

ВОЙЦЕХ ЗАБОРОВСКИЙ,
Польская академия наук

**Эволюция социальной структуры:
перспектива поколений¹**

Abstract

The article is based on data collection within “The Poles” project. It examines the 2000 social status of respondents in the context of their pre-transition (1988) position. In this way winners-losers of transition perspective is employed. Special emphasis is given to the generational dimension: depending on an issue studied, an analysis is carried out within six or seven age-cohorts. The major dependent variable measures current social position on five-point scale: losers; non-losers; non-winners; winners; and super-winners of transformation. Results show a significant role of ascribed status: both age-cohorts (generations) and parental social capital determine status achievements during transformations. On the other hand, the author argues that inflow into super-winners category was quite egalitarian: more or less a half of the highest positions in 2000 (super-winners) was taken by those, who in 1988 were located on medium- or lower-levels of stratification ladder.

Использование показателей динамики развития социальной структуры и изменения жизненной ситуации индивидов, занимающих различное по-

¹ Zaborowski W. Ewolucja struktury społecznej – ujęcie pokoleniowe // Studja Socjologiczne. — 2003. — 2 (169). — S.11–42.

Этот материал является вкладом Войцеха Заборовского в сборник коллективных трудов, авторы которых ставили своей целью анализ данных эмпирических исследований цикла “Поляки”, проводившихся Институтом философии и социологии Польской академии наук (ПАН) в 1980–2000 годах. Продолжая начатую ранее работу над проблемами поляков в контексте политических трансформаций, в этой статье автор уделяет особое внимание изучению поколенческих различий и их растущей роли в определении динамики социального развития. К сожалению, скоропостижная неизлечимая болезнь не оставила ему времени, достаточного для всесторонней интерпретации представленного анализа, а также соответствующих методологических импликаций. — Владислав Адамский, профессор ПАН.

ложение в этой структуре, стало традицией в исследованиях цикла “Поляки”. Хотя ни один из осуществленных до сих пор проектов не фокусировался собственно на проблематике структурных изменений, тем не менее в двух исследованиях нам удалось собрать эмпирические данные, достаточные для того, чтобы проанализировать основные процессы преобразований в польском обществе.

Целью этой работы является систематизация результатов исследований 2000 года с учетом анализа основных категорий современной социальной структуры как на современном этапе, так и в сопоставлении с ситуацией 1988 года. Сравнительный анализ представлен в перспективе поколений. Теоретико-методологические основания применяемого здесь подхода были изложены в написанных ранее работах Владислава Адамского — руководителя исследовательской группы “Поляки”, занимающейся изучением структурно-поколенческих предпосылок и последствий происходящих в Польше системных трансформаций [1]. В ракурсе исследований 2000 года результаты этих преобразований существенно варьируют не только в зависимости от того, какую фазу жизненного цикла переживают вовлеченные в них индивиды, но также от особенностей исторического этапа, с которым совпал процесс социализации данного поколения.

При анализе динамики жизненной ситуации индивидов мы уделяем внимание трем факторам: 1) экономическая ситуация, которая, как мы предполагаем на основании ранее проведенных исследований, в большей мере, чем другие показатели социального положения, определяет жизненные условия индивидов и социальных групп; 2) полученное образование и доступ к нему, которые в течение последних пятидесяти лет как никогда ранее влияют на экономическое положение индивидов; 3) субъективные оценки материального положения индивидов, измеряемые по характеристикам, данным самими индивидами. Такой метод измерения социальной динамики в течение последних 12 лет бурных трансформаций, затрагивающих основы устройства общества, существенно отличается от примененного в более ранних исследованиях, в частности относящихся к 1995 году, касающихся первого этапа системных преобразований [2]. В 1995 году наше внимание было сосредоточено на таких социальных процессах: 1) приватизация (апроприация) государственного имущества, главным образом государственных и других обобществленных предприятий и объектов сферы обслуживания, что обусловило резкий рост численности частных собственников средств производства и капитала; 2) сокращение количества рабочих мест, которое привело, с одной стороны, к существенному увеличению числа безработных, а с другой — к нарастанию угрозы безработицы. Таким образом, первый этап структурной трансформации создал такие условия в обществе, которые не только вызвали разделение социума на выигравших и проигравших, но и среди проигравших одних заставили смириться со снижением своего социального статуса, а другим позволили, несмотря на обстоятельства, не утратить надежды на улучшение жизненной ситуации — если не для себя, то для своих детей.

В свете данных 2000 года представляется, что отображенные в результатах исследований 1990–1995 годов вносящие оптимизм возможности расширения поля дальнейших преобразований в сфере социальных структур и форм собственности согласно рецептам “народного капитализма”, похоже, исчерпали себя. В процессе перераспределения национальной собственности центр тяжести переносится на социальные явления и механизмы, связан-

ные с концентрацией этой собственности в масштабе страны, что следует анализировать в контексте глобализации. Такой анализ предполагает, однако, проведение исследований, сфокусированных на систематическом изучении элитарных групп собственников, менеджеров, а также продюсеров и распорядителей средств массовой информации.

В то же время эмпирические данные 2000 года, касающиеся второго из выделенных нами аспектов реструктуризации, то есть безработицы и угрозы безработицы, вызывают тревогу. Можно было бы утверждать, что безработица в Польше приобрела масштабы национального бедствия, если не учитывать, что эта беда постигла не только нашу страну, став повсеместным явлением во всем мире. В наших условиях рассмотрение проблем безработицы и эксклюзии из рынка труда значительной части социума нельзя сводить к изучению распространенности и количественной динамики этих явлений, но должно включать оценку эффективности государственных стратегий их предотвращения.

Углубленного анализа требует также важнейшее последствие первой фазы системной трансформации, а именно очевидный рост экономического расслоения населения. Хотя во второй фазе (после 1995 года) этот процесс замедлился, есть основания предполагать, что в данном случае речь идет скорее о проблеме измерения доходов, чем о явной тенденции. Так или иначе, новые поколения молодых поляков будут наследовать социальный статус своих родителей, испытывающих на себе все более интенсивное расслоение. Наследоваться будут не только экономические блага, но и шансы на получение образования. Можно также прогнозировать, что распространенный среди молодежи психологический климат безысходности будет способствовать дальнейшей социальной маргинализации в этой среде.

Двенадцать лет преобразований: выигравшие и проигравшие в борьбе за экономические блага

Представленная оценка успехов и поражений в борьбе за экономические блага относится к переломному периоду в процессе смены общественного строя в стране в 1988–2000 годах. Оценка основана на факторном анализе с использованием трех переменных, которые характеризуют материальное положение респондентов, опрошенных в 2000 году. Выделялись такие переменные: доход на одного члена домохозяйства (логарифмический показатель); материальный уровень домохозяйства, определяемый с учетом наличия в нем предметов длительного пользования (взвешенный с учетом распределения этого показателя по выборке); финансовые возможности семьи, определяемые на основе индекса, по которому можно судить о том, как часто в данном домохозяйстве не хватает денег на необходимые платежи, связанные с удовлетворением различных потребностей семьи.

Определенная таким образом модель экономической состоятельности домохозяйства не только вполне удовлетворяет обязательным требованиям относительно величины характеризующих его коэффициентов λ , а также стандартов, заданных в рамках факторного анализа — по «критерию Кайзера». Использование этой модели позволило выделить пять важнейших категорий социального положения индивидов в 2000 году: 1) категория «проигравших», занимающих самое низкое материальное положение, охватывает 14,7% выборки; 2) категория «невыигравших», занимающих несколько более высокое

материальное положение, — 45,0% выборки; 3) категория “непроигравших” — 33%; 4) категория “выигравших” — 15,2%; 5) категория “суперпобедителей”, в которой оказались 5,1% самых состоятельных респондентов.

Следует подчеркнуть, что каждая из пяти выделенных на основе “секвентного” метода категорий переменных отображает качественно отличную ситуацию. Первая — категория “проигравших” — соответствует тому уровню жизненных условий, который в мировой социологии принято считать ситуацией угрозы биологическим основам существования человека. Вторая, очевидно численно доминирующая в выборке категория “невыигравших”, включает тех, чьи возможности удовлетворения элементарных потребностей существенно снижены. Третью категорию — “непроигравших” — можно охарактеризовать тем, что в период трансформации входящие в нее индивиды достигли жизненного уровня, дающего возможность удовлетворять элементарные потребности. Элементарные потребности в данном случае определяются как соответствующие среднему уровню жизни в польском обществе (предполагаем, что не более половины социума имеет возможность удовлетворять свои потребности на уровне, превышающем элементарный). К четвертой категории относятся те, о ком можно сказать, что они сумели найти себя в новых условиях. Их возможности удовлетворения жизненных потребностей ощутимо превышают уровень элементарных. В то же время составляющие 5,1% выборки “суперпобедители” оказались в таких жизненных условиях, о которых подавляющее большинство респондентов может только мечтать.

Предлагаемый анализ нацелен на выявление влияния социально-профессионального статуса респондента в 1988 году на его социальное положение в 2000 году. Данные таблицы 1 дают представление о том, как распределение представителей различных профессиональных групп в 1988 году соотносится с категориями социального положения в 2000 году. Наиболее существенные выводы, сделанные на основании анализа этих результатов, повторяют выводы исследования 1995 года: ни один из занимаемых респондентами в 1988 году статусов в социально-профессиональной структуре сам по себе не мог ни гарантировать им экономический успех, ни предопределить их поражение в 2000 году. Однако вероятность успеха или неудачи могла определяться рангом этого стартового статуса в 1988 году. Исключение составляют специалисты с высшим образованием. Занимая третью позицию по экономическому положению в 1988 году, они в то же время имеют наиболее выгодную ситуацию для достижения хорошего экономического статуса в 2000 году. О том, насколько выгодную, свидетельствует тот факт, что только в этой категории вероятность попадания в категорию “проигравших” была равна нулю, а в категорию “невыигравших” — гораздо ниже, чем для категории руководителей высшего звена и всех, самостоятельно ведущих хозяйственную деятельность, не связанную с сельским хозяйством. Руководители высшего звена находятся в более выгодном положении по сравнению со специалистами только в случае “суперпобеды”. Если подытожить эти данные, то можно сказать, что специалисты по своим шансам на достижение выделенных статусов были меньше поляризованы, чем руководители высшего звена. Пользуясь привилегией, состоящей в наименьшей вероятности поражения во вновь формирующейся социальной структуре, специалисты использовали свои шансы на достижение цели на каждом из экономических уровней с достаточно высокой степенью успеха. Карьерный

рост специалистов за двенадцать лет, рассматриваемый на фоне других категорий, предстает в еще более выгодном свете в сравнении с результатами наших исследований за 1995 год (ср.: [2]). Стоит, однако, помнить о том, что 30% специалистов с 1988 года живут в чрезвычайно скромных условиях, а начиная с 2000 года 60% из них не имеют объективных оснований считать свою ситуацию успешной.

Таблица 1

Вероятность попадания в одну из пяти категорий по социальному положению в 2000 году и социально-профессиональный статус респондента в 1988 году (возрастная группа 1940–1974 годов рождения)

Социально-профессиональный статус в 1988 году	Категории по социальному положению в 2000 году					N
	Проигравшие	Не проигравшие	Не выигравшие	Выигравшие (победители)	Суперпобедители	
Руководители высшего звена	0,083	0,528	0,306	0,417	0,222	36
Руководители низшего звена	0,092	0,400	0,385	0,185	0,092	65
Специалисты	0,000	0,692	0,128	0,410	0,154	39
Другие работники умственного труда	0,093	0,349	0,415	0,144	0,022	229
Квалифицированные рабочие	0,206	0,254	0,505	0,102	0,038	315
Неквалифицированные рабочие	0,264	0,099	0,714	0,044	0,011	91
Представители малого бизнеса и самозанятые	0,087	0,343	0,543	0,286	0,057	35
Крестьяне и сельскохозяйственные рабочие	0,218	0,569	0,197	0,101	0,034	132
Безработные	0,429	0,071	0,786	0,000	0,000	28
Домохозяйки	0,305	0,183	0,610	0,098	0,037	82
Учащиеся и студенты, обладающие большим культурным капиталом	0,065	0,516	0,226	0,355	0,226	31
Учащиеся и студенты, не обладающие большим культурным капиталом	0,107	0,365	0,397	0,137	0,015	131
Пенсионеры	0,250	0,146	0,645	0,021	0,000	48
Остальные	0,048	0,286	0,381	0,167	0,078	43
Всего	0,166	0,295	0,480	0,137	0,045	1304
Коэффициент η	(0,241)	(0,294)	(0,294)	(0,269)	(0,246)	

Какие же социально-профессиональные категории более всего пострадали от того, что возможность избежать поражения была для них ограничена? Если не считать пенсионеров (для которых данные о доходах сводятся к

перечислению пенсионных выплат), тех респондентов, которые уже в 1988 году были безработными, а также домохозяйек (многие из которых также вскоре пополнили ряды безработных), то среди жертв трансформации, проигравших в структурном плане, относительно чаще оказываются крестьяне и неквалифицированные рабочие. Следует, однако, заметить, что даже в этих категориях есть индивиды, которым, несмотря на недостаток квалификации, удалось достичь высокого материального статуса.

Однако наиболее полное представление о том, как квалификация влияет на достижение того или иного экономического статуса, дают биографии тех респондентов, которые в 1988 году были учащимися или студентами, а в настоящее время проживают с родителями или имеют собственное домохозяйство. Явное меньшинство этих респондентов происходят из семей с относительно высоким культурным капиталом, когда хотя бы один из родителей имеет высшее образование; большинство — из семей с низким образовательным статусом. Независимо от возрастной категории респондентов (в настоящее время им от 26 до 35 лет), выходцы из семей с высоким культурным капиталом имеют высший экономический статус (“суперпобедителей”) в 15 раз чаще, чем все остальные. Шансы оказаться в категории “выигравших” для этой группы в три раза выше, чем для всех остальных. Это означает, что в случае респондентов, рожденных в 1965–1974 годах, культурный капитал родителей нередко способствовал достижению более высокого положения, однако чаще всего ничего не гарантировал. Поэтому вопрос о влиянии образовательного уровня родителей на экономические успехи детей заслуживает более глубокого изучения.

Картина изменения старой социальной структуры в ее динамике была бы неполной без выяснения того, какие именно категории относительно интенсивнее исчезали из старой структуры. Эту вторую сторону трансформационной мобильности иллюстрируют данные таблицы 2, в которой представлено в процентах соотношение социально-профессиональных групп 1988 года в сопоставлении с категориями, выделенными для 2000 года. Если проанализировать состав категории нынешних “суперпобедителей”, то оказывается, что среди них преобладают не бывшие руководители или специалисты с высшим образованием, а те, кто в 1988 году принадлежал к квалифицированным рабочим. Если же принять во внимание весь массив опрошенных, имевших в 1988 году средний, низкий или неопределенный социальный статус, то оказывается, что именно они формируют 40% категории “суперпобедителей”, около половины “выигравших” и почти 60% “непроигравших”. Какой вывод из этого следует?

Если принять во внимание то, что в нашей выборке 2000 года насчитывалось 178 позиций, отнесенных к категории “выигравших”, можно сказать, что этих позиций хватило бы практически для всех индивидов, занимавших в 1988 году высокие должности (включая тех, кто благодаря полученному за это время образованию мог бы достичь такого же высокого статуса, а также домохозяйек, которые могли бы применить свою квалификацию для восстановления высокого статуса или использовать высокий статус супруга). Эти данные трудно оценить однозначно, поскольку переход Польши от государственного социализма к рыночной экономике проходил по своеобразному эгалитарному пути. Практически половина привилегированных позиций, относящихся при нынешнем капиталистическом укладе к категории “суперпобедителей”, приходится на тех индивидов, которые при старом строе

занимали положение по нынешним меркам, не выше среднего. В то же время более половины тех, кто раньше занимал положение выше среднего, оказались смещенными на средний уровень или ниже среднего. Не говорит ли это о революционном и в то же время демократическом характере перемен в польском обществе?

Таблица 2

**Вероятность происхождения
из одной из 14 категорий по социальному положению в 1988 году
и социально-профессиональный статус респондента в 2000 году
(возрастная группа 1940–1974 годов рождения)**

Социально-профессиональный статус в 1988 году	Категории по социальному положению в 2000 году				
	Проиг- равшие	Не про- играв- шие	Не вы- играв- шие	Выиг- равшие (побе- дители)	Супер- победи- тели
Руководители высшего звена	0,014	0,049	0,018	0,084	0,138
Руководители низшего звена	0,028	0,068	0,040	0,067	0,103
Специалисты	0,000	0,070	0,007	0,090	0,103
Другие работники умственного труда	0,088	0,208	0,152	0,180	0,086
Квалифицированные рабочие	0,301	0,208	0,254	0,180	0,207
Неквалифицированные рабочие	0,111	0,023	0,104	0,022	0,017
Представители малого бизнеса и самозанятые	0,008	0,011	0,028	0,031	0,017
Крестьяне и сельскохозяйственные рабочие	0,088	0,031	0,080	0,028	0,034
Безработные	0,056	0,005	0,035	0,000	0,000
Домохозяйки	0,116	0,039	0,080	0,045	0,052
Учащиеся и студенты, обладающие большим культурным капиталом	0,009	0,042	0,011	0,062	0,121
Учащиеся и студенты, не обладающие большим культурным капиталом	0,065	0,125	0,083	0,101	0,034
Пенсионеры	0,056	0,018	0,050	0,006	0,000
Остальные	0,009	0,031	0,026	0,039	0,034
(N)	216	384	626	178	58

Мы еще не располагаем данными, которые позволили бы точно сказать, по каким принципам происходила описанная выше перетасовка. Общеизвестно одно — в этом следует усматривать как следствие действия невидимой руки рынка, так и результат функционирования столь же скрытых социальных механизмов институционального переустройства. Однако более подробное изучение этих механизмов невозможно до тех пор, пока не будут проведены специальные эмпирические исследования биографий индивидов, а также их психологических и личностных характеристик, способствовавших столь действенной предприимчивости в использовании накопленного при старой системе социального капитала.

Двенадцать лет перемен — дифференциация поколений

В этой части мы попытаемся проанализировать динамику изменений, которые произошли с массивом “Поляки 2000” за двенадцать лет, по следующим показателям его дифференциации: 1) нынешнее материальное положение и положение на рынке труда; 2) оценка, данная респондентами нынешней (2000) и прошлой (1988) ситуации; 3) материальные запросы и чувство депривации; 4) оценка шансов на получение образования.

Материальное положение и положение на рынке труда

В этой части нашего анализа предполагаемым фактором дифференциации социального положения будет не статус индивида в социально-профессиональной структуре, а его возраст. Разделение респондентов на семь возрастных когорт поможет нам проверить гипотезы поколенческой концепции. Предметом нашего анализа выступает комплекс переменных, отражающих материальное положение представителей возрастных когорт 1935–1981 годов рождения. Описание переменных с использованием вышеназванных индексов поможет более точно верифицировать показатели дифференциации. К анализу полученных результатов в категориях “выигравшие–проигравшие” мы обратимся в конце этого подраздела.

Исходя из представленных в таблице 3 результатов, предпримем следующий мысленный эксперимент¹. Представим себе социум, в котором люди общаются друг с другом, не выходя за рамки своей возрастной группы. Если бы так происходило на самом деле, то к 2000 году мы могли бы утверждать, что в нашей стране каждая из возрастных групп поляков существует в своем мире. Мы бы увидели, что для самого старшего предвоенного поколения дифференциация доходов остается практически на том же уровне, что имел место в период государственного социализма. Однако для следующих трех когорт, которые в демографическом смысле можно отнести к среднему поколению, в особенности для самой младшей, только вступающей в стадию социально-профессионального становления, эта дифференциация постоянно растет.

Следует отметить, что значения коэффициентов дифференциации по доходам изменяются под влиянием двух факторов, связанных с долями лиц из данной возрастной группы на вершине иерархии доходов и на низших уровнях. Этот последний фактор действует слабее, поскольку различия на этих уровнях минимальны. Выделяется только старшая по возрасту группа, значительная часть которой получает пенсионные выплаты. Результаты анализа, представленные в таблице 3, можно интерпретировать таким образом: больше шансов оказаться на вершине иерархии доходов было у тех лиц, которые в 1988 году были относительно молоды — не старше сорока лет. Таким образом, в среднем чаще выигрывали более образованные и, вероятно, более энергичные молодые индивиды (а не люди преклонного возраста), у которых было мало времени на благоприятное устройство в старой системе.

¹ Следует отметить, что из используемых здесь эмпирических данных мы исключили ту часть массива, которая включает самых молодых респондентов 1982 года рождения, поскольку мы полагали, что многие опрошенные этой возрастной категории были некомпетентны в отношении вопросов о материальном положении домохозяйства и просто выдумывали ответы.

Таблица 3

**Диапазон доходов на человека в домохозяйствах респондентов,
рожденных в 1935–1981 годах**

Годы рождения	Диапазон доходов		N
	A ^a	B ^b	
1935–1939	13,3	11,0	52
1940–1946	18,1	12,1	182
1947–1953	21,2	12,8	300
1954–1960	27,7	18,2	358
1961–1967	26,3	17,6	252
1968–1974	31,4	16,7	221
1975–1981	33,3	19,5	321

^a Соотношение значения max в 99-м процентиле и значения min во 2-м процентиле.

^b Соотношение значения max в 98-м процентиле и значения min в 3-м процентиле.

Несмотря на то, что трудно представить себе функционирование общества, в котором взаимодействия строились бы строго в рамках поколений, факт остается фактом: в современных обществах слабеют типичные родственные связи между поколениями, и все большее значение приобретают внутриспоколенческие связи — часто это только группы ровесников. Изменяются также референтные группы, что отражается в процессах социализации. Это приобретает особое значение в условиях радикальных социальных изменений. Как мы знаем, в традиционных и в современных устоявшихся обществах обычно достаточно, чтобы сын в своей карьере был преемником отца и собственных успехи сравнивал с его достижениями. В условиях общественных перемен, тем более изменений революционного системного характера, уже недостаточно простой преемственности со старшими поколениями, поскольку новая ситуация требует новых стратегий деятельности. В этих условиях сопоставление с другими поколениями теряет смысл. Естественной референтной группой становятся те, кто действует в подобных условиях, то есть главным образом ровесники. Это их достижения могут быть предметом как фрустрации, так и мотивации. В этом смысле современные поколения поляков живут в отдельных мирах. Эти миры разнятся в социальном и психологическом смысле и требуют разного осмысления. Поэтому младшее поколение может сильнее, чем старшее, ощущать неравенство и в то же время оценивать его по-другому. Мы еще вернемся к психологическим вопросам этого размежевания поколений после обсуждения следующих параметров объективной экономической дифференциации.

В таблице 4 мы снова обращаемся к показателю неравенства доходов, дополняя его еще двумя другими параметрами дифференциации: показателями материального стандарта и финансовых возможностей домохозяйства. Этот анализ позволяет существенно дополнить ранее сформулированную интерпретацию материальной ситуации домохозяйств лиц разного возраста. Здесь оказались полезными две крайние категории: те, кто получает среднедушевой доход, превышающий 900 злотых в месяц, и те, кто не получает даже 300 злотых в месяц на каждого члена домохозяйства. Использование такого метода позволяет утверждать, что сформулированный ранее вывод о больших шансах на успех относительно молодых людей в период

трансформации касается узкого круга лиц с наивысшими экономическими результатами. Однако относительно категории лиц, получающих в польских условиях доход, гарантирующий минимум благосостояния и чувство экономической безопасности (165% средней величины и 225% медианы), выводы будут другими. Единственная возрастная когорта, в которой эта категория количественно преобладает над категорией абсолютной и относительной бедности (65% средней и 75% медианы), включает лиц самого старшего возраста. В случае военного поколения это соотношение выглядит намного хуже, не говоря уже о послевоенных поколениях.

Таблица 4

Характеристики материального положения респондентов, рожденных в 1935–1981 годах

Годы рождения	Характеристики материального положения респондентов (%)						N
	доход		материальный стандарт		финансовые возможности		
	Высокий ^a	Низкий ^b	Высокий ^c	Низкий ^d	Высокие ^e	Низкие ^f	
1935–1939	17,6	9,8	4,0	60,8	16,0	38,0	52
1940–1946	11,5	18,7	8,8	47,8	13,3	46,1	182
1947–1953	6,0	25,3	16,3	37,3	18,5	49,5	300
1954–1960	6,4	31,7	17,9	35,5	19,1	39,6	358
1961–1967	4,0	34,3	19,8	31,3	18,4	37,6	252
1968–1974	7,2	31,7	14,0	34,8	21,2	30,4	221
1975–1981	7,8	27,1	20,6	27,1	32,5	34,4	321

^a Больше 900 злотых в месяц (на одного человека в домохозяйстве).

^b Менее 300 злотых в месяц (на одного человека в домохозяйстве).

^c Высокий показатель индекса благосостояния домохозяйства.

^d Низкий показатель индекса благосостояния домохозяйства.

^e Низкий показатель индекса, указывающего на то, как часто в домохозяйстве не хватает денег на покрытие различных расходов.

^f Высокий показатель индекса, указывающего на то, как часто в домохозяйстве не хватает денег на покрытие различных расходов.

Но в наихудшей ситуации оказались те представители молодой генерации, которые вступали во взрослую жизнь в восьмидесятых годах. Для них шансы остаться или оказаться “наверху” были в несколько раз ниже, чем перспектива остаться или оказаться “внизу”. Они были в худшей ситуации, чем те, которым выпало вступать во взрослую жизнь в первой фазе системных преобразований. Вследствие этого последующий баланс потерь и приобретений самых молодых граждан из исследуемой группы будет зависеть, в том числе, и от рождения детей. Из наших данных следует, что модели расширенной репродукции отдают предпочтение 15,4% представителей этой группы, тогда как в предыдущей возрастной группе — 18,9%.

Однако рассмотрение экономического неравенства сквозь призму текущих доходов представляется односторонним. Из разложения индекса владения имуществом долгосрочного пользования вытекает, что в этом измерении ключевую роль играют связанные с возрастом образцы потребления. Достаточно заметить, что в самом старшем поколении, несмотря на относительно большое количество хорошо оплачиваемых лиц, отнюдь не много

тех, кто владеет “богатым имуществом”. Следующая группа с наиболее неблагоприятным раскладом шансов относительно подушевого дохода характеризуется наивысшим соотношением владеющих “богатым имуществом” к хорошо зарабатывающим и является единственной, в которой скромно зарабатывающие преобладают количественно над владеющими скромным имуществом. И наконец, последняя группа, относительно которой можно предположить, что приобретение имущества, на которое у них было меньше времени, чем у их предшественников, у них еще впереди.

Третье измерение экономического неравенства касается финансовых возможностей домохозяйства. Респондентов просили высказаться по весьма деликатным и, несомненно, связанным с риском субъективной оценки вопросам, насчет недостатка денег для покупки основного имущества и владения либо не владения автомобилем. Однако оказалось, что полученные ответы позволили нам создать полезную переменную, о чем свидетельствует тот факт, что она сильнее коррелирует с двумя другими параметрами экономического положения, чем те коррелируют друг с другом.

Таким образом, показатели задекларированного недостатка денег выше всего в старшем и среднем поколениях. А представители самой младшей генерации воспринимают ситуацию своего домохозяйства (в значительной степени хозяйства их родителей) более оптимистично, чем их родители. Однако неизвестно, связан ли оптимизм первых исключительно с неведением, а пессимизм вторых с чрезмерной склонностью сетовать по всякому поводу. С точки зрения ощущения нехватки денег хуже всего выглядит ситуация рожденных в 1940–1953 годах: каждый второй из них (1/2 стандартного отклонения ниже средней) отмечает свое безденежье. Из этого, похоже, следует, что вполне зрелые люди хуже адаптировались к переменам. Привлекает внимание тот факт, что в следующей группе процент лиц, не справляющихся с потребностями домохозяйства, намного ниже, тогда как процент мало зарабатывающих выше, а степень профессиональной активности ниже. При этом следует заметить, что лицам, которые вступали в период перемен как достаточно зрелые, но еще относительно молодые люди, чаще, чем более старшим, удавалось хорошо справиться с ведением домашнего хозяйства. В группе 1947–1953 г. р. их в три раза больше, чем хорошо “зарабатывающих”, в то же время в старшей группе эти категории приблизительно равны. Но в наиболее выгодном свете, с точки зрения практичности, предстает та часть молодой генерации, для которой период достижения социальной зрелости пришелся на 1980-е — упомянутая выше пропорция составляет 6 : 1.

Выводы о больших адаптационных способностях лиц молодого поколения находят подтверждение в ответах на серию вопросов относительно уровня практичности и чувства “потерянности” в жизни. Рассмотрим четыре, ставшие уже стандартными в социологии формулировки, касающиеся отношения испытуемых к экзистенциальным вопросам: “жизнь настолько сложна, что я с трудом нахожу себя в ней”; “я не могу справиться с большинством проблем”; “мои ежедневные обязанности не приносят мне удовлетворения”; “я часто чувствую себя одиноким”. Авторы этой серии вопросов-утверждений предполагают, что такие взгляды составляют предыдущего жизненного опыта личности и могут отрицательно влиять на ее функционирование в обществе. Использование этого инструмента в нашем исследовании показало, что полученные показатели “потерянности” и беспомощности сильно коррелируют с возрастом (коэффициент η равен 0,193). Так, приме-

нительно к выборке “Поляки 2000” со всей уверенностью можно сказать, что наименее подвержены настроениям “потерянности” и беспомощности представители молодого поколения, которые родились после 1975 года. Последующие возрастные группы, в свою очередь, также выгодно отличаются с этой точки зрения от самого старшего поколения. К вопросу об адаптационных способностях людей разного возраста мы еще вернемся в конце статьи.

Существенным фактором рассматриваемого неравенства является ситуация на рынке труда, которую характеризуют данные таблицы 5. Следует обратить внимание на то, что явное возрастание доли безработных происходит среди лиц, родившихся после 1960 года. В то же время во всех возрастных группах мы отмечаем остаточные величины доли безработных, получающих пособие; эти величины ниже тех, что были получены в наших исследованиях 1995 года. Однако выросла доля лиц, выполняющих временную работу, относительно тех, кто получает пособие. Похоже, это свидетельствует о том, что, в отличие от развитых стран, в Польше не государство, а неформальная экономика берет на себя функции “опеки” над людьми, в той или иной степени исключенными из рынка труда.

Следующая проблема — скрытая безработица на селе. Она особенно коснулась тех, кто родился после 1960 года: почти в каждом втором хозяйстве есть человек, считающийся безработным. В селе и в городе в среднем каждая третья семья ощутила на себе безработицу, а еще чаще это случается в семьях, в которых есть два профессионально активных поколения.

Экзистенциальные угрозы и связанные с ними состояния фрустрации касаются, однако, не только среды безработных. В той или иной степени они присутствуют в сознании тех поляков, которые, хоть и работают, но не уверены, что сохранят работу. Особенно сильно это ощущается среди лиц, родившихся в 1961–1968 годах (54%), а для остальных младших групп населения этот показатель колеблется в пределах 40–50%. Иначе обстоит дело с опасениями не найти новую работу в случае утраты настоящей. В трех старших возрастных группах такие опасения высказывают более 70% опрошенных, а в последующих это количество соответственно уменьшается — 54%, 42%, 32% и 28% (см. табл. 5).

Таблица 5

Характеристики положения на рынке труда респондентов, рожденных в 1935–1981 годах (%)

Годы рождения	Безработные в целом	Получающие пособие по безработице	Безработные и выполняющие временную работу		Безработные и сезонные рабочие в сельском хозяйстве	Те, кого коснулась проблема безработицы*
			редко	часто		
1935–1939	2,0	0,0	2,0	0,0	0,0	21,6
1940–1946	7,7	3,8	3,6	0,8	0,0	29,7
1947–1953	10,0	4,3	3,0	1,3	0,3	37,0
1954–1960	11,7	1,7	3,0	1,1	1,1	31,6
1961–1967	17,5	3,2	4,5	2,8	2,3	29,0
1968–1974	16,7	3,6	6,0	0,0	3,0	31,7
1975–1981	15,3	2,5	8,7	2,3	2,3	36,8

*Безработным является либо сам респондент, либо кто-то из членов его домохозяйства.

Самооценка социального положения в перспективе поколений

Как мы определили в наших исследованиях 1995 года, преобладающее большинство польского общества оценивало тогда свое социальное положение и его изменение в категориях материального положения, и лишь незначительное меньшинство связывало его с уровнем образования. В сравнении с периодом государственного социализма это создавало принципиально новую ситуацию. На современном этапе отмечается множество критериев индивидуальной самооценки занимаемого социального положения. Стоит также обратить внимание на тот факт, что в 1995 году, в связанных с этой категорией оценках системного переустройства ощущение продвижения вперед по сравнению с поколением родителей было почти всеобщим.

Результаты исследований относительно второй фазы системной трансформации, представленные в таблице 6, документируют очередную важную перемену, которая произошла в сознании поляков. Похоже, это сознание не зависит от возраста. Количество индивидов, которые считают, что родителям, когда они были в их возрасте, жилось хуже, чем им в данный момент, значительно меньше половины, а в некоторых случаях даже меньше трети. Интересно и то, что опрошенные не особо различают “сермяжный социализм” периода Владислава Гомулки и “потребительский бум”, связанный с именем Эдварда Герека. Это касается и тех, кто должен хорошо помнить те времена, поскольку родился до 1954 года. Такие оценки не слишком отличаются в зависимости от принадлежности к тому или иному поколению. Заслуживает внимания лишь то, что младшие поколения более сдержанны в отрицательных оценках прошлого, чем представители среднего поколения.

Таблица 6

Самооценки социального положения респондентов (рожденных в 1940–1981 годах) в сравнении с их оценкой положения родителей, когда они были в том же возрасте, что респонденты сейчас (в 1957–1970 и 1971–1981 годах)

Годы рождения	Родители были в возрасте респондентов в годах...	Родителям жилось:					N
		значительно лучше	немного лучше	так же	немного хуже	значительно хуже	
1940–1946	1957–1970	11,5	19,2	26,9	20,5	21,8	78
	1971–1980	23,3	18,6	30,2	18,6	9,3	43
1947–1953	1957–1970	12,2	23,1	23,8	19,0	21,8	147
	1971–1980	18,8	17,6	24,7	18,8	20,0	85
1954–1960	1957–1970	9,6	26,7	24,7	24,7	14,4	146
	1971–1980	13,7	24,2	23,4	19,4	19,4	124
1961–1967	1957–1970	14,0	18,7	26,2	24,3	16,8	107
	1971–1980	18,5	26,1	22,8	18,5	14,1	920
1968–1974	1957–1970	27,9	15,1	18,6	24,4	14,0	86
	1971–1980	16,5	29,7	20,9	23,1	9,9	91
1975–1981	1957–1970	16,3	17,8	27,1	27,1	11,6	129
	1971–1980	15,3	24,8	29,3	17,2	13,4	157

Таблица 7

Самооценки социального положения респондентов в сравнении с их оценкой положения родителей (в 1957–1980 годах), когда они были в том же возрасте, что респонденты сейчас (с учетом социально-профессиональной категории респондента и статуса родителей)

Социально-профессиональные категории 2000 г.	Статус родителей	Родителям жилось:					N
		значительно лучше	немного лучше	так же	немного хуже	значительно хуже	
Руководители высшего звена	низкий	15,8	21,1	10,5	26,3	26,3	19
	высокий	10,0	20,0	20,0	30,0	20,0	10
Руководители низшего звена	низкий	16,0	24,0	20,0	24,0	16,0	25
	высокий	7,0	1,7	46,2	23,1	15,4	13
Специалисты	низкий	3,6	21,4	24,5	32,1	21,4	28
	высокий	12,5	25,0	25,0	25,0	12,5	16
Другие работники умственного труда	низкий	9,6	19,8	24,6	22,2	24,0	167
	высокий	21,3	21,3	21,3	19,1	17,0	47
Квалифицированные рабочие	низкий	14,2	22,8	21,6	25,9	15,4	162
	высокий	20,0	36,0	16,0	12,0	16,0	25
Неквалифицированные рабочие	низкий	7,3	30,9	34,5	20,0	7,3	55
	высокий	14,3	42,9	21,4	14,3	7,1	14
Представители малого бизнеса (вне сельского хозяйства)	низкий	13,9	9,2	21,8	25,0	43,8	16
	высокий	0,0	12,5	25,0	37,5	25,0	8
Самозанятые	низкий	14,6	12,2	22,0	22,0	29,3	41
	высокий	12,1	14,9	19,6	39,6	5,9	17
Фермеры	низкий	24,1	24,1	10,3	24,1	17,2	29
	высокий	60,0	0,0	40,0	0,0	0,0	5
Крестьяне	низкий	14,3	28,6	23,2	17,9	16,1	56
	высокий	0,0	33,3	16,7	16,7	33,3	6
Сельскохозяйственные рабочие	низкий	18,4	23,7	18,4	18,4	21,1	38
	высокий	0,0	50,0	50,0	0,0	0,0	2
Безработные	низкий	30,8	28,7	20,3	13,3	7,0	143
	высокий	21,7	13,0	30,4	17,4	17,4	23
Домохозяйки	низкий	16,4	16,4	24,5	21,8	10,9	55
	высокий	16,7	25,0	25,0	16,7	16,7	12
Учащиеся и студенты, обладающие большим культурным капиталом	низкий	–	–	–	–	–	–
	высокий	12,8	12,8	25,5	25,5	23,4	47
Учащиеся и студенты, не обладающие большим культурным капиталом	низкий	10,7	14,3	28,6	29,8	16,7	84
	высокий	10,5	15,8	26,3	36,8	10,5	19
Пенсионеры	низкий	11,1	20,0	32,6	20,7	15,6	135
	высокий	18,8	21,9	28,1	25,0	6,3	32

Более детально ознакомиться с предпосылками этой проблемы можно из данных таблицы 7. Оказывается, что ностальгию по “лучшему прошлому” ощущают те, чьи родители имеют низкий статус (никто из родителей не

получил образования выше среднего). Похожим образом оценивают прошлое 37% руководителей высшего звена, 25% специалистов и 27% самозанятых. Исключение составляют предприниматели, работающие вне сельского хозяйства, среди которых только 12,5% считают свою ситуацию хуже той, в которой жили в свое время их родители. К интерпретации этих результатов следует подходить с большой осторожностью. Возможно, часть респондентов в своих оценках в соотнесении с ситуацией родителей хотели только выразить неудовлетворение собственным положением.

Однако, независимо от того, какие возможные «помехи» могли повлиять на значение полученных ответов, приведенные результаты представляются валидными в том случае, когда заключенная в них косвенная оценка новой системы выше среди молодого и ниже среди старого поколения. Ведь среди родившихся после 1967 года более трети считают, что в современной Польше жить лучше, чем в старой. Среди родившихся до 1954 года такую оценку высказывают меньше одной шестой опрошенных.

О довольно распространенном ощущении неудовлетворенности собственным положением лучше свидетельствует сравнение самооценки положения респондентов в 2000 и 1988 годах. В 1988 году почти каждый был недоволен практически всем. По прошествии двенадцати лет перемены удовлетворение занимаемой в данный момент социальной позицией, как правило, меньше, чем в сопоставлении с положением, занимаемым в 1988 году. Регресс удовлетворения — в сравнении с оценкой положения, занимаемого в 1988 году — намного сильнее зарегистрированного в исследованиях 1995 года. В то же время, как следует из таблицы 8, ощущение регресса в 2000 году сильнее в старшем поколении и значительно слабее в младшем. Возникает вопрос, сохранит ли молодое поколение поляков менее пессимистичное видение изменения своего положения, такое, как у чехов и словаков, что было отмечено нами в исследованиях 1995 года [3], или же по мере приобретения жизненного опыта уровень пессимизма молодых поляков приблизит их к видению, типичному для старших возрастных групп, то есть тех, кто родился до 1962 года.

При поиске ответа на эти вопросы необходимо более детально рассмотреть материальное положение отдельных социальных категорий в сопоставляемый период в прошлом. Пожалуй, самым важным следует признать тот факт, что нынешнее ощущение регресса зависит от уровня доходов, получаемых работающими в 1988 году. Таким образом, наиболее сильно ощущают регресс те из них, у кого заработки тогда были выше или значительно выше среднего по стране уровня. Это наблюдение подтверждает предыдущие выводы о том, что перемены в нашей стране вызвали селекцию также и на высших уровнях тогдашней социальной иерархии. В свете этих данных следует пересмотреть распространенное мнение о непосредственной, без каких-либо исключений, связи между современным высоким имущественным положением и привилегированным положением в старой системе, а тезис о какой бы то ни было систематической передаче социального статуса по наследству сформулировать более точно. Обнаруженную зависимость нельзя объяснить завышенными ожиданиями тех социальных категорий, которые имели наибольшие доходы в 1988 году, поскольку корреляция между тогдашними заработками и современным положением слабая. Таким образом, не удивляет тот факт, что сегодняшнее ощущение регресса намного слабее среди тех, чьи заработки в 1988 году были немного или значительно

ниже средних, или даже близки к социальному минимуму того времени. Возможно, потому, что в жизни большинства из них уже мало что могло измениться к худшему.

Таблица 8

**Сравнительные самооценки социального положения респондентов
(рожденных в 1935–1981 годах) в 1988 и 2000 годах**

Годы рождения	Средняя самооценка ^a		Разница ^b	N
	1988	2000		
1935–1939	5,31	6,75	–1,44	51
1940–1946	5,76	7,35	–1,59	182
1947–1953	5,57	7,03	–1,46	299
1954–1960	5,54	6,85	–1,29	358
1961–1967	5,82	6,62	–1,80	254
1968–1974	6,12	6,34	–0,22	221
1975–1981	6,10	6,15	–0,05	321
(Коэффициент η)	(0,142)	(0,210)	(0,294)	

^a 1 – наивысшая оценка, 10 – самая низкая оценка.

^b Отрицательное значение означает наличие чувства деградации.

*Чувство депривации основных потребностей
и материальные запросы*

Уже на протяжении многих лет польское общество характеризуется большим расхождением между уровнем декларируемых материальных потребностей и реальными возможностями их удовлетворения. Эта зависимость сохраняется и все еще сильно дает о себе знать. Больше половины опрошенных в 2000 году считают, что у них недостаточно средств на удовлетворение основных потребностей, и только каждый девятнадцатый признает, что доходы, получаемые в его домашнем хозяйстве, гарантируют ему жизнь на удовлетворительном уровне. Конечно же, высокие запросы могут быть источником мотивации к достижениям, однако при этом следует помнить о реальных шансах достижения успеха, не подвластных в большинстве случаев контролю со стороны индивидов. Насколько запросы могут способствовать развитию личности и общества, настолько ограниченные возможности — порождать психологическую и социальную напряженность.

Как следует из данных таблицы 9, в условиях трансформации не претерпевает редукации рассматриваемое в разрезе поколений расхождение между представлениями поляков об основных потребностях и ощущением возможности удовлетворения этих потребностей. Более того, среди родившихся после 1960 года это расхождение — что касается стремления к жизни на вполне удовлетворительном уровне — на данном этапе еще выше, чем среди старших поколений. Это означает, что фактор возрастания запросов действует сильнее, чем фактор реализма. Это сопровождается снижением гибкости в отношении потребностей — в младших возрастных группах расхождение между стремлением к жизни на вполне удовлетворительном уровне и базовым уровнем становится все больше. Такое положение вещей не предвещает ничего хорошего — самочувствие молодых поляков может быть не

лучшим, чем у их отцов и старших братьев, родившихся в начале семидесятых. А это может стать предвестником назревания новой ситуации социального конфликта.

Таблица 9

Обострение чувства депривации основных потребностей и неудовлетворенности материальных притязаний, а также эластичность потребностей респондентов, рожденных в 1935–1981 годах

Годы рождения	Средний показатель индекса чувства:				Показатель эластичности потребностей ^c	
	депривации основных потребностей ^a		неудовлетворенности материальных притязаний ^b			
1935–1939	1,17	(61,7) ^d	2,04	(8,2)	1,95	(4,3)
1940–1946	1,78	(40,6)	3,03	(4,5)	1,90	(6,3)
1947–1953	1,48	(40,0)	2,79	(5,1)	1,92	(5,9)
1954–1960	1,59	(39,3)	2,67	(5,7)	1,84	(5,2)
1961–1967	1,59	(40,2)	3,45	(4,1)	2,22	(3,4)
1968–1974	1,58	(42,3)	3,34	(6,2)	2,33	(3,9)
1975–1981	1,54	(46,2)	2,88	(4,4)	2,05	(2,8)
Всего	1,56	(42,2)	2,95	(5,5)	2,02	(4,5)

^a Отношение суммы, которую респонденты считают необходимой для удовлетворения основных потребностей домохозяйства, к фактическому доходу домохозяйства.

^b Отношение суммы, которую респонденты считают необходимой для обеспечения удовлетворительного уровня жизни членов домохозяйства, к фактическому доходу домохозяйства.

^c Отношение суммы, которую респонденты считают необходимой для обеспечения себе удовлетворительного уровня жизни, к сумме, которую респондент считает необходимой для обеспечения самого необходимого.

^d Расхождение между уровнем заявленных и удовлетворенных притязаний (эластичность потребностей); в скобках дан процент респондентов, не испытывающих чувств, соответственно, депривации и неудовлетворенных материальных притязаний.

Еще больше пессимизма вселяют данные таблицы 10. Оказывается, что Польша — это страна, в которой доли лиц, довольных имеющимися возможностями удовлетворения своих основных потребностей, почти одинаковые среди безработных и среди предпринимателей. Другой парадокс: убеждение в удовлетворении своих основных потребностей декларируют 45% неквалифицированных рабочих, в то же время среди специалистов процент удовлетворенных не намного выше (53%). Ясно, что в этом сопоставлении мы имеем дело с различными структурами потребностей. Однако возникает вопрос, не является ли доминирующая на современном этапе в польском обществе дифференциация самооценки экономического положения граждан большей угрозой для процессов системной трансформации, чем фактическая поляризация, отражающаяся в расслоении уровней имущества и доходов? При поиске ответа на этот вопрос стоит обратиться к результатам анализа, представленным в таблице 11.

Таблица 10

Обострение чувства депривации основных потребностей и неудовлетворенности материальных притязаний, а также эластичность потребностей респондентов с учетом их принадлежности к социально-профессиональным категориям

Социально-профессиональные категории 2000 г.	Средний показатель индекса чувства:				Показатель эластичности потребностей ^c	
	депривации основных потребностей ^a		неудовлетворенности материальных притязаний ^b			
Руководители высшего звена	1,05	(61,8) ^d	1,89	(11,8)	1,95	(5,9)
Руководители низшего звена	1,26	(50,0)	2,41	(7,1)	2,14	(10,3)
Специалисты	1,22	(52,8)	3,11	(9,6)	1,96	(2,0)
Другие работники умственного труда	1,26	(47,9)	2,20	(5,3)	1,92	(5,4)
Квалифицированные рабочие	1,29	(43,8)	2,38	(4,2)	1,99	(3,9)
Неквалифицированные рабочие	1,47	(45,0)	2,47	(3,7)	1,82	(1,3)
Представители малого бизнеса (вне сельского хозяйства)	1,16	(66,7)	2,09	(23,1)	2,02	(3,8)
Самозанятые	1,38	(50,8)	2,52	(2,9)	1,96	(4,6)
Фермеры	1,62	(39,5)	2,96	(7,9)	2,31	(2,6)
Крестьяне	2,30	(31,6)	4,48	(7,8)	1,96	(6,6)
Сельскохозяйственные рабочие	1,54	(48,9)	3,42	(8,7)	2,16	(6,5)
Безработные	2,32	(22,5)	4,59	(1,4)	1,96	(4,9)
Домохозяйки	1,69	(39,5)	3,68	(2,6)	2,58	(2,7)
Учащиеся и студенты, обладающие большим культурным капиталом	1,17	(61,0)	2,11	(18,8)	1,99	(7,3)
Учащиеся и студенты, не обладающие большим культурным капиталом	1,69	(44,9)	3,05	(7,1)	1,95	(2,1)
Пенсионеры	1,51	(40,3)	2,73	(2,1)	1,93	(4,2)
(Коэффициент η)	(0,223)*	(0,200)*	(0,111)*			

a,b,c,d – см. примечания к таблице 9.

* Значение коэффициента η значимо на уровне 0,01.

Если принимать во внимание соотношение между уровнем удовлетворения основных потребностей и реальным (заявленным в опросе) уровнем получаемых доходов, мы обнаружим почти всеобщее доминирование угнетенного настроения. Наиболее ярко это иллюстрирует тот факт, что только

каждый десятый поляк зарабатывает — согласно самооценке — несколько больше того, что считает достаточным для удовлетворения основных потребностей. В то же время каждый четвертый считает, что он не зарабатывает даже того. Интересно, что в следующих категориях — объединяющих лиц, живущих в материально стесненных, очень стесненных и крайне стесненных условиях — усиление депривации основных потребностей нарастает весьма медленно. Это поразительное явление в сопоставлении с четырьмя высшими из десяти выделенных нами по благосостоянию групп, объединяющими тех, кто потребляет более чем в два раза большую долю национального продукта, чем представители шести низших групп. Неужели это свидетельствует о том, что в Польше мы столкнулись с возникновением двух все более обособленных и отдаляющихся друг от друга сегментов общества?

Таблица 11

Обострение чувства депривации основных потребностей и неудовлетворенности материальных притязаний, а также эластичность потребностей респондентов с учетом их экономического статуса

Экономический статус	Средний показатель индекса чувства:						N
	депривации основных потребностей ^a		неудовлетворенности материальных притязаний ^b		показатель эластичности потребностей ^c		
1 – самый высокий	0,94	(74,4)	1,66	(18,4)	1,98	(3,8)	160
2	1,10	(59,0)	2,06	(9,1)	2,04	(6,3)	168
3	1,11	(61,0)	2,13	(8,6)	2,16	(2,5)	164
4	1,21	(51,3)	2,18	(3,7)	2,04	(4,5)	158
5	1,48	(43,3)	2,76	(3,7)	2,13	(4,5)	157
6	1,34	(43,3)	2,41	(4,9)	1,88	(7,0)	157
7	1,55	(33,5)	3,02	(3,1)	2,15	(3,2)	158
8	1,58	(28,7)	2,98	(3,7)	1,91	(5,5)	164
9	1,85	(24,4)	3,29	(0,6)	1,89	(5,4)	168
10 – самый низкий	3,30	(7,2)	6,71	(0,0)	2,08	(2,4)	167
(Коэффициент η)	(0,373)		(0,325)		(0,049)*		1614

a,b,c – см. примечания к таблице 10.

* Величина показателя незначима.

Если присмотреться к составляющим чувства неудовлетворенного стремления к жизни на вполне удовлетворительном уровне (измеряемого в децилях материального положения), то приходится признать, что двенадцать лет польских преобразований породили в основных слоях общества фрустрацию по поводу занимаемого положения, в не меньшей мере, чем в свое время система государственного социализма. Эта закономерность наиболее четко проявляется в относительно привилегированных группах. Десять процентов наиболее экономически привилегированных современных поляков количественно соответствует группе привилегированных в период государственного социализма. Неудовлетворенные стремления наиболее привилегированных индивидов, а отсюда и их все еще не сбывшиеся надеж-

ды на жизнь на вполне удовлетворительном уровне, декларирует каждый пятый из этой категории опрошенных.

Дифференциация образовательных шансов

Основной вывод из приведенного выше описания полученных данных можно сформулировать следующим образом: в процессах системных преобразований профессиональная квалификация составляла наиболее универсальный капитал, имеющий решающее влияние на положение индивида в новой структуре социального расслоения. Случай специалистов с высшим образованием свидетельствует, что этой категории более выгодное — с экономической точки зрения — соотношение шансов на адаптацию к новой реальности в большей степени гарантировал унаследованный образовательный капитал, а не пребывание на руководящих должностях или владение имуществом. В то же время специалисты, не выполняющие руководящих функций, проявляют лучшее самочувствие, чем другие социальные группы. На шкале “чувства потерянности” они размещаются так же низко, как и руководители высшего звена 1988 года, то есть лица, также отличавшиеся высокой профессиональной квалификацией. Относительно лучшим самочувствием отличаются только те дети специалистов, которые в 1988 году принадлежали к категории учеников и студентов с большим культурным капиталом. Наихудшим же образом переносят системные преобразования неквалифицированные рабочие и лица, которые уже в 1988 году были безработными. Анализ социально-профессиональной карьеры индивидов разного возраста и разного социального происхождения доказывает, что жизненные успехи и неудачи все сильнее дифференцировались в зависимости от доступа к экономическим благам, а также в связи с функциями образовательной системы.

Разделение опрошенных на условные возрастные категории, используемое до сих пор в нашем анализе, оказалось полезным инструментом. Другие способы группировки не принесли бы существенно отличных результатов. Однако для анализа, результаты которого мы представляем в таблице 12 и последующих, потребовалось такое разделение на возрастные категории, которое бы позволяло нам интерпретировать собранный материал согласно концепции поколений, понимаемых как исторически обособленные формации, складывающиеся под влиянием специфических условий социализации. Исходя из этих предпосылок, мы выделили теперь шесть возрастных категорий вместо прежних семи. Первая включает индивидов, которые пережили период взросления еще в эпоху сталинизма и “раннего” Гомулки. Вторая сформировалась на стыке 1960-х и 1970-х годов. Третья представляет поколение эпохи Герека, четвертая — военное поколение. Пятая — это поколение первой фазы системных трансформаций, последняя — второй фазы. Четвертая и пятая поколенческие формации достигли зрелости в условиях наиболее острого напряжения и конфликтов: одна — в период застоя, другая — в период перемен, и заплатили за это высокую цену, а остальные — в условиях, требующих большей или меньшей самоотверженности¹.

¹ В этой части анализа мы учитываем лиц, родившихся в 1982 году, которые раньше не принимались во внимание.

В дальнейшем анализе понятие культурного капитала мы заменяем его более широким эквивалентом — социальным капиталом. В группу индивидов с большим социальным капиталом, то есть тех, у кого хоть один из родителей имел высшее образование, теперь мы включаем также детей тех руководителей высокого ранга и собственников вне сельского хозяйства, которые не могли предъявить соответствующий диплом. Адекватным показателем “малого социального капитала” мы будем считать ситуацию, когда ни один из родителей респондента не преодолел уровня школы профессионального обучения. Представленные в таблице 12 результаты характеризуют выделенные таким образом две контрастные социальные категории.

Таблица 12

Поколенческая дифференциация шансов на получение образования в массиве респондентов 1935–1982 годов рождения из семей с большим и небольшим социальным капиталом

Годы рождения	Социальный капитал	Шансы на (%):			N
		получение среднего образования	продолжение обучения после получения аттестата зрелости	получение высшего образования	
1935–1948	большой ^a	60,9*	17,4	6,5	46
	небольшой ^b	35,8*	6,5*	2,4*	246
1949–1955	большой	58,5	14,6	9,8*	41
	небольшой	43,0	6,5	1,1*	277
1956–1960	большой	56,8	24,3*	13,5*	37
	небольшой	37,8*	4,6*	1,5*	196
1961–1968	большой	73,5*	28,6*	18,4*	49
	небольшой	40,0*	6,2*	2,1*	195
1969–1975	большой	81,1*	40,5*	21,6*	37
	небольшой	39,3*	9,3*	2,0*	150
1976–1982 ^c	большой	86,7*	53,1*	—	90
	небольшой	58,0*	22,5*	—	162

* Разница (в сравнении с остальными в соответствующей когорте) значима на уровне менее 0,05 (в тесте χ^2).

a По крайней мере один из родителей имеет законченное высшее образование либо отец занимал высокое руководящее положение или владел средствами производства (вне сельского хозяйства).

b Ни один из родителей не продолжил обучение после получения среднего специального образования.

c В колонке “продолжение обучения после получения аттестата зрелости” принимаем во внимание респондентов 1976–1980 годов рождения.

В колонке “получение среднего образования” принимаем во внимание учеников средних школ 1981–1982 годов рождения.

Большой культурный капитал всегда способствовал как достижению “образовательного порога”, так и преодолению этого порога и получению

высшего образования на уровне магистра. Однако не всегда эти зависимости статистически значимы. В самом старшем поколении продолжение учебы после окончания средней школы и получение высшего образования встречается одинаково часто и среди тех, кто мог воспользоваться благами большого капитала, и среди тех, кто принадлежит к средней категории. В следующей группе (1949–1955 г. р.) появилась существенная зависимость в ситуации с высшим образованием. Эта зависимость не наблюдалась применительно к аттестату зрелости для обеих выделенных категорий социального капитала, а что касается продолжения обучения после средней школы — для категории малого капитала. Если говорить о доступе к окончанию средней школы, то отсутствие существенной разницы в этом отношении между теми, кто имеет большой капитал, и теми, кто принадлежит к средней категории, сохранилось до конца 1979-х годов, когда экзамен на аттестат зрелости сдавала молодежь 1960 г. р.

Первой возрастной категорией, в которой проявилось ограничение шансов для лиц с малым культурным капиталом на всех трех образовательных уровнях, стала группа родившихся в 1961–1968 годах. Ситуация в последующих возрастных группах представляется сходной. Однако в группе самых младших появляется новый, очень существенный фактор. Для лиц с низким культурным капиталом заметно возрастает доступность среднего образования и возможность продолжения обучения после средней школы. Вспомним, что ранее большая доступность и более широкие возможности продолжения обучения, а также получения высшего образования были отличительными чертами исключительно категории с большим культурным капиталом.

Таблица 13 представляет соотношение образовательных шансов, открывающихся на трех уровнях для индивидов из двух контрастных по социальному положению категорий. Оказывается, что в период системных трансформаций была преодолена тенденция нарастающего с начала 1970-х годов (мы имеем в виду выпускников 1979-х годов) неравенства в отношении получения среднего образования.

В то же время заметно усилилась тенденция, наметившаяся среди выпускников средней школы в 1980-х, к уменьшению неравенства возможностей продолжения обучения после средней школы (вероятно, здесь сказались причины демографического характера). Похоже, это явление дает надежду на преодоление господствующей на протяжении 30 лет ситуации, когда молодежь из семей с большим социальным капиталом имела в 9–11 раз больше шансов на получение высшего образования, чем их ровесники из семей с малым социальным капиталом. Предполагая развитие этой тенденции, мы можем прогнозировать, что диспропорция шансов на получение высшего образования существенно уменьшится — от теперешней более чем десятикратной до четырех- и пятикратной. С другой стороны, если предположить полный успех внедряемой в последнее время образовательной реформы, следует ожидать, что возрастет доступность среднего образования для учеников из семей с низким культурным капиталом. Даже в том случае, если оправдается крайне нереалистичное предположение, что ученики всех категорий, кроме категории низкого культурного капитала, получат аттестаты зрелости, то все равно количество мест, предусмотренных для этой категории, возрастет. Исходя из реалистичной оценки ситуации, можно предположить, что неравенство между анализируемыми категориями будет и дальше снижаться.

Таблица 13

Отношение шансов на реализацию возможностей получения образования респондентов 1935–1982 годов рождения из семей с высоким^а и низким^б уровнем социального капитала

Годы рождения	Шансы на:			N
	получение среднего образования	продолжение обучения после получения аттестата зрелости	получение высшего образования	
1935–1948	1,70	2,67	2,70	292
1949–1955	1,36	2,24	8,90	318
1956–1960	1,50	5,28	9,00	233
1961–1968	1,83	4,61	8,76	244
1969–1975	2,06	4,35	10,80	187
1976–1982 ^с	1,49	2,36	4,50*	252

* Значение приблизительно.

- a По крайней мере один из родителей имеет законченное высшее образование либо отец занимал высокое руководящее положение или владел средствами производства (вне сельского хозяйства).
- b Ни один из родителей не продолжил обучение после получения среднего специального образования.
- c В колонке “получение высшего образования” принимаем во внимание респондентов 1976–1980 годов рождения. Здесь сформулирован прогноз для этой возрастной когорты респондентов.
В колонке “получение среднего образования” принимаем во внимание учеников средних школ 1981–1982 годов рождения.

Приведенные выше радикальные изменения в распределении шансов на образование следует признать ключевым фактором социальной структуры во второй фазе системной трансформации. Вероятно, его влияние на судьбу общества в перспективе будет не меньшим, чем влияние экономических перемен, которые в первой фазе трансформации вызвали сильное материальное расслоение общества. Огромное значение имеет также почти не упоминаемый в публичном дискурсе факт, что основной механизм данного расслоения, однако, не проявился в массовом масштабе, то есть был позитивно сопряжен с уровнем образования и квалификации индивидов, которые выдвинулись на передовые позиции. Все еще недостаточно исследованным вопросом остается роль менталитета лиц, которые преуспели в трансформации. Нам недостает систематических исследований личностных качеств, которые облегчают адаптацию к радикальным изменениям.

Новая система неравенства образовательных шансов обуславливает потребность в исследовании качества образования и инфляции дипломов. Возникает вопрос, не повторится ли теперь ситуация периода ПНР, когда образовательная система — несмотря на относительно низкие показатели среднего и высшего образования в обществе — производила излишек квалифициро-

ванных выпускников школ и вузов в соотношении с возможностью их использования экономической системой. Если такая ситуация повторится (на этот раз на высшем уровне реального образования и высших запросов относительно должностей, соответствующих образованию), то возникает следующий стратегически важный вопрос: какие возможности использования привлекательных внешних рынков труда будут в будущем у образованных поляков? Здесь имеются в виду соседние развитые страны, которые явно находятся под давлением отрицательных демографических факторов, в частности старения населения (маргинализации значительной части этих обществ). Даже в случае, если обсуждаемая здесь ситуация повторится, ранее поставленный вопрос не теряет своего значения, поскольку польский рынок труда не сможет быть полностью закрытым для тех иностранцев, которые окажутся менее требовательными, чем большинство из наших соотечественников.

Несмотря на благоприятные изменения в нашей образовательной системе, производящей блага, “окупаемость” которых становится все более заметной и все выше ценится, значительная часть общества считает, что в Польше принцип равных жизненных шансов действует в очень небольшой степени либо не действует вообще. В самой старшей из выделенных нами возрастных групп такое убеждение высказывает больше половины опрошенных, а в самой младшей — немногим больше трети. В других группах соответствующий показатель составляет приблизительно 45%. В то же время другие результаты наших исследований свидетельствуют, что образовательная система в ближайшие годы будет оставаться под сильным давлением социальных ожиданий. В каждой из рассматриваемых категорий по социальному положению родители, дети которых в возрасте до 18 лет учатся в старших классах средней школы, довольно оптимистично оценивают шансы детей на получение высшего образования.

С этой точки зрения, самыми большими оптимистами являются собственники и предприниматели вне сельского хозяйства — 77,8% из них считают, что у их детей эти шансы большие или очень большие. Так же считают 64,3% самозанятых и 60% руководителей высшего звена. Это, несомненно, общественный слой, располагающий наибольшими возможностями финансирования обучения для своих детей. Среди этих категорий с высоким социальным капиталом намного более сдержанны в оценке шансов для своих детей специалисты; показатель их оптимизма не превышает 43%, тогда как среди руководителей низшего звена и фермеров он достигает 54%. В этом плане поразительным является тот факт, что элитарная и наиболее состоятельная часть села, относимая к категории современных фермеров, высоко оценивает шансы своих детей на образование почти в три раза чаще, чем крестьяне, и более чем в пять раз чаще сельскохозяйственных рабочих. Среди населения вне сельского хозяйства у собственников и предпринимателей данная дифференциация шансов на образование приблизительно в три с половиной раза выше, чем у безработных.

Представленные результаты дают основания утверждать, что в обществе, отличающемся сильным экономическим расслоением, реформы образовательной системы, предпринимаемые с целью демократизации общества, отнюдь не вызывают всеобщей уверенности в том, что система образования действует по принципу равных шансов. Однако при этом социальные ожидания относительно этой системы все еще сильны и, как нам кажется,

будут расти. Это подтверждает тот факт, что 88,9% учеников и студентов с большим культурным капиталом высоко оценивают шансы получения высшего образования их младшими братьями и сестрами. Среди остальных учеников и студентов аналогичный процент оптимистов составляет 49,2%, но все равно этот уровень выше, чем среди родителей из категории специалистов. Подобное давление будет вероятно усиливаться, независимо от сохраняющейся дифференциации в представлениях о характере высшего образования. Наверное, можно с уверенностью утверждать, что многие респонденты с низким уровнем образования не имели в виду высшего образования на уровне магистра.

В условиях сильного экономического расслоения общества не удивительно, что образовательные запросы со стороны родителей и опекунов для их детей и подопечных напрямую обусловлены материальным положением. В наиболее состоятельных домохозяйствах (верхнее положение на шкале материального положения) шансы детей на получение высшего образования оценивают как большие или очень большие 80,2% респондентов. В двух следующих группах доля таких оптимистов незначительно превышает 50%, а в трех следующих — немного ниже 40%. В группах, объединяющих наименее богатые хозяйства, оптимистичные прогнозы относительно образования детей в будущем высказывают соответственно 25% и 17% респондентов.

Важнее всего, с точки зрения анализа в разрезе поколений, то, что шансы на образование молодежи 1983–1987 годов рождения, кому удалось преодолеть первый порог школьного отбора, оцениваются в зависимости от их возраста и материального положения. Оказывается, что среди тех, кто родился после 1967 года и находится на высшем уровне по экономическому положению, все высказывают ожидания насчет получения высшего образования. Ожидания старших, родившихся в 1947–1960 годах, намного ниже и составляют (для обеих групп) соответственно 65% и 36%. Но уже в поколении 1961–1967 годов соответствующие показатели относительно детей выше и составляют 83% и 50%. Эти данные указывают на следующую закономерность: чем моложе человек, находящийся в выгодном материальном положении, тем оптимистичнее он оценивает шансы молодежи на продолжение обучения после средней школы и получение высшего образования. Причем эта закономерность не зависит от того, идет ли речь о братьях, сестрах или же о детях.

Справедливо ли это правило применительно к наименее богатым? В группе с самым низким уровнем материального положения оптимистические прогнозы относительно будущего образования молодежи не существенно отличаются в зависимости от возраста оценивающих эти шансы; эти показатели колеблются в границах от 15 до 20%. Не заметно также существенных и систематических различий в зависимости от возраста респондентов в остальных группах. Таким образом, оптимизм относительно шансов на образование детей из наименее богатых семей, а также тех, чье положение хуже, чем в домохозяйствах 20% наиболее богатых поляков, не дифференцируется в зависимости от возраста. В свою очередь, младшие поколения поляков, находящихся в привилегированном материальном положении, значительно чаще, чем старшие, разделяют ту точку зрения, что материальное положение семьи происхождения должно отразиться в успешной образовательной карьере детей.

Таблица 14

Влияние социального капитала родителей на социальное положение респондентов 1935–1975 годов рождения в 2000 году

Годы рождения	Социальный капитал	Категории по социальному положению в 2000 году					N
		Проигравшие	Не проигравшие	Не выигравшие	Выигравшие (победители)	Суперпобедители	
1935–1948	большой	4,3	41,3	34,8	15,2	8,7	46
	малый	12,2	48,8	27,4	11,0	2,8	246
1949–1955	большой	9,8	31,7*	46,3*	22,0	7,3	41
	малый	20,6	57,0*	24,5*	10,1	2,5	277
1956–1960	большой	18,9	37,8	48,6*	35,1*	13,5*	37
	малый	23,0*	48,0*	28,1*	14,3*	5,1*	196
1961–1968	большой	6,1*	26,5*	42,9*	24,5*	16,3*	49
	малый	19,5*	51,3*	21,0*	9,7*	2,1*	195
1969–1975	большой	5,4*	27,0*	54,1*	37,8*	21,6*	37
	малый	18,7*	54,7*	24,7*	8,0*	2,0*	150

* Разница (в сравнении с остальными в соответствующей когорте) значима на уровне менее 0,05 (в тесте χ^2).

Заклучение: в поиске механизмов адаптации

В таблице 14 мы представили результаты, которые логично подводят нас к заключению, ключевым моментом в котором является оценка роли фактора межпоколенческой преемственности при переходе из старых групп в социальной структуре (1988) в новые группы (2000). Под этим углом зрения только для старшего поколения характерно отсутствие статистически значимых дифференциаций. Предположительно, это связано скорее с военными потерями и невзгодами первой фазы навязанной обществу “форсированной индустриализации”, чем с реальным “социальным равенством”. Уже в следующей возрастной когорте (1945–1955 г. р.) в зависимости от различий в социальном происхождении мы наблюдаем все более явственное разделение на “не выигравших” и “не проигравших”. В следующей когорте недостаток социального капитала оказывает еще более ощутимое влияние на то, к какой категории по социальному положению осуществляется переход в 2000 году, а связанные с происхождением привилегии влияют на вероятность попадания в категорию привилегированных и в будущем. В последующих двух когортах такой механизм дифференциации имеет уже всеобъемлющий характер. Нетрудно понять, что действует этот механизм прежде всего через сферу образования. Из этого следует, что, испытывая обострение социального неравенства, молодые поляки отдают себе отчет в том, что их место в обществе зависит от того, что они унаследуют от родителей. Различия в двух последних когортах так велики, что с точки зрения обыденного сознания не могут восприниматься иначе, чем в качестве сигнала

обострения реакции на неравноправие, связанное с социальным происхождением.

Эти выводы порождают новые вопросы, касающиеся адаптации к переменам. Растет ли среди молодых людей толерантность в отношении общественного строя, которому присуще экономическое неравенство или же само это неравенство воспринимается ими как нормальное явление? Оказывается, что только в категории респондентов, которые родились после 1974 года, отмечается статистически значимое увеличение числа тех, кто принимает как должное масштабы существующего в Польше экономического неравенства. Среди респондентов, рожденных после 1946 года, такого мнения придерживается только каждый 17 опрошенный, а в самой старшей возрастной категории — каждый 26 опрошенный. Зато существенные и заметные изменения в зависимости от возраста наблюдаются в случае других, традиционно применяемых показателей эгалитарных установок. Так, мнение о том, что государство должно определять размер вознаграждений, не разделяет соответственно 39,6% и 38,5% респондентов в двух самых младших возрастных когортах, а также 19,6% и 24,1% опрошенных в двух самых старших возрастных когортах. В остальных когортах подобное мнение не разделяют около трети опрошенных. В свою очередь, самые молодые респонденты гораздо чаще, чем старшие, не разделяют мнения о том, что наиболее высокие заработки должны быть ограничены. Кроме того, статистически значимая линейная зависимость наблюдается между возрастом респондентов и поддержкой идеи снижения налогов для самой состоятельной части населения.

Таким образом, по истечении двенадцатилетнего периода системных трансформаций ослабление проэгалитарных установок среди самой молодой части польского общества становится неопровержимым фактом. Вероятнее всего, эта тенденция имеет необратимый характер. Однако все еще практически все разделяют мнение о недостаточной справедливости социального распределения, а материальное неравенство встречает повсеместное неодобрение. Только каждый тринадцатый респондент не согласен с тем, что в Польше есть социальные группы, которые имеют больший доход, чем заслуживают; причем значительной дифференциации ответов по возрастному признаку не наблюдается. Остановимся также на вопросе об антиэгалитарных установках, которые можно интерпретировать как признак психологической адаптации индивидов к жизни в обществе, отличающемся экономическим расслоением, подобно нашему.

Результаты анализа нескольких переменных не оставляют сомнения в том, что антиэгалитарные установки (измеряемые по факторной шкале с использованием ранее охарактеризованных переменных) находятся в очевидной зависимости от возраста опрошенных. Эта зависимость подтверждается также при рассмотрении роли факторов пола, образования и материального положения. Взаимозависимость этих переменных сильнее, чем в ситуации с образованием (значения коэффициентов β в модели регрессии составляют, соответственно, 0,188 и 0,099), и лишь незначительно слабее, чем в случае с материальным положением (коэффициент β равен 0,227). Как показывает проведенный анализ модели регрессии, самым явным носителем антиэгалитарных установок является когорта респондентов, рожденных после 1974 года (значение β 0,106 подтверждает статистическую значи-

мость этой зависимости). А наиболее проэгалитарной группой оказалась когорта респондентов 1940–1946 годов рождения.

Аналогичные модели регрессии получены при рассмотрении двух других переменных, которые могут свидетельствовать о приспособлении индивидов к сложившейся ситуации. Первая из этих переменных касается психологических установок в отношении новых условий жизни и собственного функционирования в этих условиях. Измеряется она оценкой использования возникших в процессе трансформации новых шансов, а также оценкой возможности преодоления преград на пути реализации этих шансов. Вторая переменная касается надежд на лучшее будущее, то отражает веру респондентов в то, что формирующиеся новые общественные отношения способствуют реализации их жизненных планов и устремлений в ближайшем будущем. На величину обеих переменных существенное влияние оказывает фактор возраста — очевидно, что молодость благоприятствует более оптимистичным взглядам на настоящее и надеждам на лучшее будущее. Сила зависимости первой из этих переменных от фактора возраста практически равнялась силе зависимости от материального положения (значения β равны, соответственно, 0,287 и 0,315), а в случае второй переменной превышала силу связи с фактором материального положения (значения β составляют, соответственно, 0,362 и 0,281). Другие модели регрессии подтверждают, что носителями социальных механизмов адаптации и согласия с тенденциями современного общественного развития являются когорты респондентов, рожденных после 1974 года, а наиболее явным выразителем “потенциала надежды” является когорта респондентов, рожденных после 1960 года. Однако с возрастом “потенциал надежды” ослабевает, а отклонение данного показателя от среднего по выборке сокращается.

Литература

1. Polacy '95: Aktorzy i klienci transformacji / Pod red. W.Adamskiego. — Warszawa, 1998.
2. Zaborowski W. Stara i nowa struktura społeczna // Polacy '95: Aktorzy i klienci transformacji / Pod red. W.Adamskiego. — Warszawa, 1998. — S.49–95.
3. Białecki I., Zaborowski W. Poczucie deprywacji potrzeb materialnych a cele życiowe jednostki // Polacy '95: Aktorzy i klienci transformacji / Pod red. W.Adamskiego. — Warszawa, 1998. — S.99–120.

Перевод с польского Екатерины Иващенко